
И. Ю. ЧЕРНОМОРЧЕНКО

ЭТНИЧЕСКАЯ ФРАГМЕНТАЦИЯ И КОНСТРУИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ТАНЗАНИИ*

В статье рассматривается влияние этнической фрагментации на успех конструирования национальной идентичности в Танзании. В политической науке этническая фрагментация традиционно рассматривалась как ключевой фактор социально-политической дестабилизации в странах с формирующимися институтами, ведущий к конфликтам за власть и перераспределение экономических ресурсов. Однако опыт Танзании показывает, что этническая фрагментация сама по себе не является фактором дестабилизации. Утверждается, что ее влияние опосредовано структурными условиями и политикой государства. В статье различается «несбалансированная» и «сбалансированная» этническая фрагментация. Автор утверждает, что дестабилизирующий потенциал характерен для фрагментации первого типа, распространенного в большинстве стран Африки южнее Сахары, где наличие одной или нескольких крупных этнических групп провоцирует постоянную борьбу за политическое влияние и закрепляет значимость этничности в политических процессах. В противоположность этому «сбалансированная» фрагментация (широкое разнообразие при отсутствии доминирующих групп), характерная для Танзании, создает объективные структурные предпосылки для консолидации и конструирования надэтнической национальной идентичности, делая борьбу за доминирование бессмысленной. В статье анализируется, каким образом этот структурный потенциал был реализован благодаря целенаправленной государственной политике нациестроительства. Выделяются три ключевых механизма этой политики: 1) установление однопартийной системы, которая позволила подавить традиционную власть вождей и ограничить влияние этничности в общественной жизни; 2) последовательная языковая унификация на основе суахили как нейтрального языка межна-

---

* Для цитирования: Черноморченко, И. Ю. 2025. Этническая фрагментация и конструирование национальной идентичности в Танзании. *История и современность* 4: 37–48. DOI: 10.30884/iis/2025.04.02.

For citation: Chernomorchenko, I. Yu. 2025. Ethnic Fragmentation and the Construction of National Identity in Tanzania. *Istoriya i sovremennost' = History and Modernity* 4: 37–48 (in Russian). DOI: 10.30884/iis/2025.04.02.

История и современность, № 4, декабрь 2025 37–48

DOI: 10.30884/iis/2025.04.02

ционального общения, вытеснившего впоследствии английский и языки этнических групп; 3) идеология уджамаа, сформировавшая общие ценности на основе коллективистских традиций. В заключении утверждается, что опыт Танзании является не только успешным примером конструирования национальной идентичности в стране с высокой этнической фрагментацией, но и представляет существенную практическую ценность для стран – членов Восточноафриканского сообщества.

Ключевые слова: этническая фрагментация, Танзания, конструирование национальной идентичности, сбалансированная этническая фрагментация, нацистроительство, уджамаа, политическая нестабильность.

Введение

Этническая фрагментация традиционно рассматривалась как один из ключевых факторов социально-политической дестабилизации (Horowitz 1985; Rabushka, Shepsle 1972). Предполагается, что в странах с формирующимися институтами высокая этническая фрагментация ведет к конкуренции за политическое влияние и доступ к экономическим благам между этническими группами, способствуя возникновению этнополитических конфликтов (Fearon, Laitin 2003). В странах Африки существенное влияние этничности на политические процессы обусловлено не только ее сильной эмоционально-психологической составляющей, но и слаборазвитостью государственных институтов, которые часто не обеспечивают население базовыми социально-экономическими услугами. В условиях распада старых социальных структур и исключения из новых экономических и политических механизмов этническая группа остается для индивида не только гарантом социальной защиты, но и основным каналом мобилизации, в частности политической (Nabyarimana *et al.* 2009; Fearon 2008).

При этом этническая мобилизация может быть направлена в русло как мирных форм сосуществования (сотрудничество, кооперация, интеграция), так и конфликтных (конкуренция, напряженность, открытые конфликты). Наиболее значимыми из этих форм являются конфликтные, поскольку во время конфликта люди стремятся к самоорганизации и опираются на сформированные идентичности, определяя предполагаемых врагов и союзников (Samoff 2024: 189), что способствует возникновению этнополитических конфликтов, перерастающих в этническое насилие и гражданские войны. Так, конфликт этносоциальных групп хуту и тутси последние десятилетия остается ключевым фактором политической де-

стабилизации в странах Восточной Африки. В Демократической Республике Конго (ДРК) политическая мобилизация по принципу этнической принадлежности на фоне широкого разнообразия этнических групп, насчитывающих более двух сотен, стала фактической основой для двух Конголезских войн и конфликта на востоке ДРК.

Несмотря на определенную связь между степенью этнической фрагментации и политической нестабильностью, не все полиэтничные страны сталкиваются с социально-политической дестабилизацией. В Танзании проживают около 125 этнических групп, говорящих на более чем 100 языках, что делает ее самой многоязычной страной в Восточной Африке. Однако страна практически не пережила гражданских войн или государственных переворотов, а этническое насилие в Танзании сошло на нет (Green 2011). Танзания не сталкивалась с проявлениями политической нестабильности, затронувшими большую часть ее соседей (Бурунди, ДРК, Кению, Мозамбик, Руанду и Уганду). Хотя в 2021 г. всего 51,7 % опрошенных в Танзании заявили, что в большей степени идентифицируют себя с танзанийским государством, чем со своей этнической группой, этот показатель остается значительно выше, чем в подавляющем большинстве стран Африки южнее Сахары (к примеру, в Южной Африке с государством ассоциировали себя только 15,5 % граждан) (Afrobarometer 2025). В настоящее время этничность все еще сохраняет значимую роль в общественной жизни страны, но руководству удалось добиться значительных успехов в сокращении ее значимости в политических процессах посредством конструирования общей национальной идентичности, что неоднократно подчеркивалось в предыдущих исследованиях (Miguel 2004; Hastings 1997: 165). Таким образом, традиционный взгляд на этническую фрагментацию как однозначно дестабилизирующий фактор оказывается некорректным для объяснения танзанийского опыта. В настоящем исследовании предполагается, что важную роль играет не степень, а тип фрагментации, а также то, каким образом государственная политика использует структурный потенциал.

В условиях растущего значения Африки в глобализирующемся мире, а также новых вызовов и угроз, с которыми сталкиваются страны континента, многие из которых все еще пребывают в процессе формирования национальной идентичности, особый интерес представляет изучение опыта Танзании в успешном конструировании общенациональной идентичности в условиях высокой этнической фрагментации. Цель настоящего исследования состоит в том,

чтобы определить, каким образом этническая фрагментация повлияла на процесс конструирования национальной идентичности в Танзании, а также какие социально-демографические и политические факторы способствовали превращению этнической фрагментации в опору, а не угрозу стабильности.

От многообразия к единству

На территории Танганьики (материковой части будущей Танзании) проживало более ста этнических групп, различавшихся по языку, происхождению и традициям, сформировавшихся в результате долгой истории миграции бантуязычных, нилотских и кушитских народов в условиях изолированных горных и озерных сообществ (Kimambo *et al.* 2017: 26–34). К моменту обретения независимости этнический состав населения Танганьики отличался от соседних стран характерной чертой – отсутствием крупных групп, способных выразительно доминировать демографически или политически. В отличие от Кении и Уганды, где крупнейшие группы, составляющие пятую часть населения и проживающие в близости к столице, исторически доминировали в политических процессах (ки-куйю и ганда), в Танзании ни одна из этнических групп не обладала положением и ресурсами, достаточными для доминирования над другими.

Крупнейшей этнической группой на территории Танганьики были сукума, численность которых на момент обретения независимости оценивалась примерно в 12–15 % от общей численности населения. Более того, традиционные районы проживания сукума к югу от озера Виктория находились на удаленном расстоянии от Дар-эс-Салама, бывшего столицей, что лишало их контроля над административным центром (Bennett 1971: 79). Подавляющее большинство остальных групп были сравнительно малочисленны, к ним относились ньямвези, ха, хайя, чагга, бена, хехе, маконде, яо и многие другие, численность которых колебалась от нескольких сотен до нескольких десятков тысяч человек. Этническая фрагментация подобного уровня создавала отличную от соседних стран политическую динамику, в которой ни одна группа не могла претендовать на контроль над государственным аппаратом.

Однако не менее значимым факторам, повлиявшим на успешное конструирование национальной идентичности в стране с чрезвычайно высоким уровнем этнической фрагментации, было отсутствие явного экономического, демографического и исторического

неравенства между регионами. В отличие от других стран, где богатство природными ресурсами создавало основу для борьбы за политическое влияние и доступ к экономическим благам, экономика Танганьики и Танзании впоследствии характеризовалась относительной однородностью. На территории Танганьики имелись природные ресурсы, в частности залежи железа и золота, но они не были явно сконцентрированы в отдельных районах. В экономическом отношении территория страны не была богата природными ресурсами – ни в смысле сельскохозяйственного потенциала, ни в смысле полезных ископаемых (Liffé 1978). Среди важных аспектов этой однородности можно отметить значительные площади потенциально пахотных земель. В то время как в Дарфуре и восточных районах ДРК рост населения и миграция на фоне сокращения свободных земель вели к ожесточенным вооруженным конфликтам, изобилие земель в Танзании способствовало более мирному характеру политических процессов в стране.

Для Танганьики также было характерно достаточно равномерное распределение населения между регионами (Green 2011: 226). Среди возможных причин подобной однородности ключевыми являются относительно равномерное распределение пахотных земель по всей территории и немецкая колониальная политика, направленная на расселение местного населения в удаленных от деревень и городов районах.

Явным преимуществом оказалось отсутствие на территории Танганьики в доколониальный период крупных централизованных государств, за исключением королевства Шамбаа (Бондаренко 2022а: 18). Если бы на территории страны было больше подобных образований, их наследственные элиты и исторические границы могли бы стать центрами этнического сепаратизма, пробуждая память об исторических конфликтах. В результате после обретения независимости сопротивление со стороны слабых и относительно разрозненных традиционных вождей было эффективно нейтрализовано путем упразднения их традиционной власти и интеграции в систему государственного управления (Nkyabonaki 2019).

Следствием экономической, демографической и исторической однородности стал уникальный характер установившихся после обретения независимости межэтнических отношений. В то время как в других странах неравномерное распределение природных ресурсов и населения способствовало формированию регионально или этнически ориентированных организаций, соперничавших по вопро-

сам сотрудничества и распределения экономических благ, в Танганьике подобного размежевания не произошло (Hoskyns 1968: 449).

Несмотря на общую однородность, в Танганьике существовали и исключения, самым важным из которых был Килиманджаро, выделяющийся интегрированностью в мировую экономику. Местное население, преимущественно представленное чагга, благодаря контактам с миссионерами и торговцами еще в колониальный период получило доступ к образованию и товарному производству, прежде всего через продажу кофе. Поначалу выращивание кофе находилось под контролем традиционных вождей, однако малочисленность европейских поселенцев в регионе обусловила поощрение мелких фермеров, которые благодаря относительно высокому уровню образования и поддержке миссионеров смогли образовать слой малого предпринимательства.

Образовавшаяся прослойка производителей кофе смогла использовать свои ресурсы для организации конкуренции традиционным вождям чагга, что в конечном итоге привело к их свержению (Bender 2013: 219–220). Возглавив кофейные кооперативы, чагга объединились с Танзанийским африканским национальным союзом (ТАНУ) Джулиуса Ньерере, чтобы вытеснить оставшихся европейских фермеров. После обретения независимости экономическое и образовательное влияние чагга позволило им не только интегрироваться в национальные структуры, но и стать одной из опор новой нации. Местная предпринимательская элита, хотя и была вынуждена существовать в рамках политики уджамаа (африканского социализма), обладала достаточным влиянием, чтобы адаптировать ее под свои интересы, а национальное руководство из-за зависимости от кофейного экспорта было вынуждено идти на компромиссы (Samoff 1979).

В результате уникальное сочетание структурных предпосылок – высокой этнической фрагментации при отсутствии доминирующей группы, относительной экономической, демографической и исторической однородности, а также успешной интеграции выделяющихся регионов, таких как Килиманджаро, – выступили системными условиями для успешного конструирования национальной идентичности. Массовое общенациональное движение, объединившее в борьбе за независимость подавляющую часть населения страны, позволило Дж. Ньерере установить однопартийную систему, в рамках которой ТАНУ удалось без опасений политической конкуренции добиться упразднения власти традиционных вождей и начать поли-

тику ограничения роли этничности в общественной жизни. Арушская декларация 1967 г. стала основой этого социально-экономического, политического и культурного курса, направленного на формирование единой танзанийской нации (Ndulu *et al.* 2019: 104–105).

Нациестроительство во многих странах континента было затруднено растущим значением этничности в XX в. Поэтому деполитизация «племенного фактора» стала важнейшей задачей первого президента страны Дж. Ньерере (Турьинская 2022). Первым шагом стала нейтрализация потенциальных очагов этнического сепаратизма. Как это отмечалось прежде, благодаря исторической однородности и слабости доколониальных политических институтов Танганьики ТАНУ удалось беспрепятственно интегрировать вождей в систему государственного управления, лишив традиционные институты легитимности. В 1970-х гг. в рамках уджамаа в Танзании началось переселение сельского населения из разных регионов в специально созданные «социалистические деревни». Это позволило расселить многие этнические группы мозаично, смешивая население из разных групп и не допуская формирования этнических регионов с устойчивыми границами. Находящаяся в центре страны Додома была выбрана новой столицей из схожих побуждений, чтобы ни одна этническая группа не стала доминирующей в административном центре (Kessy 2022).

Опорой успешного конструирования национальной идентичности в Танзании стала культурная и языковая политика, основанная на упомянутой идеологии уджамаа. Культурно-языковая политика была сознательно направлена на создание надэтнической национальной идентичности при сохранении местных этнических групп и их культур. Центральное место в этой политике заняло возведение суахили в статус единственного национального и официального языка (Blommaert 2014). При этом в предыдущих исследованиях неоднократно отмечалось, что культура суахили, ставшая социокультурной основой конструирования танзанийской нации, имела доколониальные корни, но особенно явно распространилась во время колониального и независимого периодов (Бондаренко 2022б: 89).

С момента обретения независимости Ньерере добивался утверждения суахили как единственного национального языка, и в 1967 г. этот статус был законодательно закреплен. Его использование в школах, государственном управлении и СМИ позволило создать основу для межэтнического общения во всей стране и напрямую влияло на формирование национальной идентичности. Суахили стал

связующим звеном, которое позволило людям чувствовать себя танзанийцами, не отказываясь от своей этнической идентичности (Simpson 2008). Отчасти это стало возможным потому, что суахили не был родным языком крупных этнических групп – он исторически был языком торговли и религиозного общения, что сделало его приемлемым для всех групп населения.

Светская политика ТАНУ, отстаивающая свободу вероисповедания, также позволила свести к минимуму религиозные различия, сделав национальную идентичность первичной по отношению к религиозной. В отличие от других стран Африки, где религиозная принадлежность часто служила линией раскола, в Танзании межконфессиональные отношения исторически остаются преимущественно мирными (Makulilo, Henry 2023). По приблизительным оценкам (официальная перепись населения по вопросам религиозной принадлежности, как и этнической, запрещена), численность христианского и мусульманского населения в Танзании составляет примерно 60 и 35 % соответственно. Ключевую роль в этой политике сыграло распространение суахили в качестве национального языка. До обретения независимости суахили был средством распространения как ислама, так и христианства, что сделало его общим языком для обеих конфессий. Кроме того, за исключением Занзибара (Брындына 2024), в материковой части Танзании не сложилось четкого деления на «христианские» и «мусульманские» народы (Heilman, Kaiser 2002), что предотвратило возникновение этноконфессиональных конфликтов.

На основе суахили была сформирована новая, интегрирующая все население страны национальная культура. Язык стал не просто инструментом общения, но и носителем общих ценностей, которые транслировались через идеологию уджамаа. Уджамаа провозглашала, что африканские общества основаны на коллективизме и взаимопомощи, отказе от социального расслоения и этнической конкуренции. С момента обретения независимости образовательная система была направлена на воспитание танзанийцев: школы воспитывали дух патриотизма, трудолюбия и преданности нации согласно государственной идеологии. Этот процесс способствовал укреплению среди населения идеи о глубоких исторических корнях единой танзанийской общности (Бондаренко 2025; Иванченко 2013).

Таким образом, успех конструирования национальной идентичности в Танзании стал возможным благодаря уникальному сочетанию структурных предпосылок и целенаправленной государственной политики. Высокая этническая фрагментация в Танзании не стала источником раскола, а превратилась в основу национального единства именно благодаря отсутствию крупных доминирующих групп, что делало любые попытки мобилизации по признаку этнической принадлежности неэффективными и создавало запрос на надэтническую консолидацию. Критически значимой основой для этого послужила сложившаяся однородность регионов Танганьики: отсутствие явного неравенства в распределении экономических ресурсов и пахотных земель свело к минимуму риск возникновения конфликтов, вызванных региональным неравенством, а равномерная плотность населения и историческое отсутствие крупных централизованных государств предотвратило формирование регионов с сепаратистскими настроениями. Этот структурный потенциал был реализован благодаря дальновидной политике Дж. Ньерере, который, используя установление однопартийного режима и идеологию уджамаа, целенаправленно ограничивал этничность в общественной жизни через упразднение власти традиционных вождей, политику переселения и, что наиболее важно, последовательную языковую унификацию на основе суахили как нейтрального языка межнационального общения.

Заключение

Опыт Танзании позволяет переосмыслить связь между высокой этнической фрагментацией и политической нестабильностью. Если традиционные исследования, упомянутые во введении, рассматривали этническую фрагментацию в качестве явно дестабилизирующего фактора, то анализ конструирования национальной идентичности в Танзании демонстрирует, что ключевое значение имеет не степень фрагментации, а ее структурный характер. Наиболее значимым оказывается различие между условно «несбалансированной» и «сбалансированной» фрагментацией. В первом случае, характерном для большей части стран Африки южнее Сахары, наличие одной или нескольких крупных групп создает структурные предпосылки для постоянной борьбы за политическое влияние внутри страны, закрепляющей значимость этничности в политических процессах и ее дестабилизирующий характер. В случае же «сбалансированной» фрагментации широкое разнообразие при от-

сутствии крупных доминирующих групп делает такую борьбу бессмысленной, создавая объективные основы для консолидации и формирования надэтнической национальной идентичности. Подытоживая проведенный анализ, отметим, что именно «сбалансированная» фрагментация стала в Танзании основой для успешного конструирования национальной идентичности.

Этот структурный потенциал, однако, не был бы реализован без целенаправленной государственной политики. В частности, установление однопартийной системы позволило подавить традиционную власть вождей и ограничить влияние этничности в публичной сфере. Вместе с языковой политикой, сделавшей суахили инструментом не ассимиляции, а общенациональной интеграции, и идеологией уджамаа, сформировавшей общие танзанийские ценности на основе коллективистских традиций местных этнических групп, эти процессы стали основными механизмами, позволившими сконструировать национальную идентичность в Танзании. Успех Танзании подчеркивает, что эффективное нациестроительство в полиэтнических обществах требует не только подавления разнообразия, но и его интеграции в новые, инклюзивные формы.

Сегодня Танзания выступает страной – локомотивом Восточноафриканского сообщества не только из-за своих размеров и населения – она является редким примером африканской страны, в которой местный язык не только полностью заменил колониальный в качестве наиболее распространенного, но и стал родным для большинства этнических групп, а национальная идентичность возоблдала над этнической. Для стран – членов Восточноафриканского сообщества, стремящихся к созданию политической федерации в будущем, важно изучать опыт конструирования национальной идентичности в Танзании.

Литература

Бондаренко, Д. М.

2022а. Формирование наций в постколониальных государствах Субсахарской Африки: Танзания, Замбия и Уганда в сравнении. *Азия и Африка сегодня* 1: 15–23.

2022б. Историко-культурные аспекты формирования наций в постколониальных государствах Африки. *Вестник Российской академии наук* 92(1): 86–96.

2025. Нациестроительство и этничность в постколониальных государствах Азии и Африки. *Сибирские исторические исследования* 2: 8–23.

Брындина, В. Н. 2024. Распространение христианства и исламо-христианские отношения в условиях мусульманского большинства на Занзибаре и Пембе (Танзания): итоги архивного и полевого исследования 2020–2024 годов. *Христианство на Ближнем Востоке* 8(2): 161–193.

Иванченко, О. В. 2013. Танзания: самосознание национальное и этническое. *Азия и Африка сегодня* 6: 53–59.

Турбинская, Х. М. 2022. Революционная партия и национальный вопрос в Танзании: истоки. В: Элез, А. Й. (ред.), *Очерки партийной жизни в Тропической Африке*. М.: ИАФР РАН. С. 12–32.

Afrobarometer. 2025. Tanzania Round 8 Data (2021). URL: <https://www.afrobarometer.org/survey-resource/tanzania-round-8-data-2021/>.

Bender, M. V. 2013. Being “Chagga”: Natural Resources, Political Activism, and Identity on Kilimanjaro. *The Journal of African History* 54(2): 199–220.

Bennett, G. 1971. Tribalism in Politics. In: Gulliver, P. H. (ed.), *Tradition and Transition in East Africa*. Berkeley: University of California Press.

Blommaert, J. 2014. *State Ideology and Language in Tanzania*. Edinburgh: Edinburgh University Press.

Fearon, J. D. 2008. Ethnic Mobilization and Ethnic Violence. In Weingast, R., Wittman, D. A. (eds.), *Oxford Handbook of Political Economy*. Oxford: Oxford University Press. Pp. 852–868.

Fearon, J. D., Laitin, D. D. 2003. Ethnicity, Insurgency and Civil War. *American Political Science Review* 97(1): 75–90.

Green, E. 2011. The Political Economy of Nation Formation in Modern Tanzania: Explaining Stability in the Face of Diversity. *Commonwealth and Comparative Politics* 48: 223–244.

Habyarimana, J., Humphreys, M., Posner, D. N., Weinstein, J. M. 2009. *Coethnicity: Diversity and the Dilemmas of Collective Action*. New York: Russell Sage Foundation.

Hastings, A. 1997. *The Construction of Nationhood: Ethnicity, Religion and Nationalism*. Cambridge: Cambridge University Press.

Heilman, B. E., Kaiser, P. J. 2002. Religion, Identity and Politics in Tanzania. *Third World Quarterly* 23(4): 691–709.

Horowitz, D. L. 1985. *Ethnic Groups in Conflict*. Berkeley: University of California Press.

Hoskyns, C. 1968. Africa’s Foreign Relations: The Case of Tanzania. *International Affairs* 44(3): 446–462.

Iliffe, J. 1978. *A Modern History of Tanganyika*. Cambridge: Cambridge University Press.

Kessy, A. T. 2022. The Long Waiting for Relocating Capital City in Tanzania: The Community of Game Changer and Challenges Ahead. *The African Review* 49(1): 54–73.

Kimambo, I. N., Maddox, G. H., Nyanto, S. S. 2017. *A New History of Tanzania*. Dar es Salaam: Mkaki na Nyota Publishers.

Makulilo, A., Henry, R. 2023. Religion and Peacebuilding in Tanzania: Institutionalization of Interfaith Peace Committee. In Kilonzo, S. M., Chitando, E., Tarusarira, J. (eds), *The Palgrave Handbook of Religion, Peacebuilding and Development in Africa*. Cham: Palgrave Macmillan.

Miguel, E. 2004. Tribe or Nation? Nation Building and Public Goods in Kenya versus Tanzania. *World Politics* 56(3): 327–362.

Ndulu, B. J., Mbowe, W. E., Hunter, E. 2019. Ethnicity, Citizenry, and Nation-Building in Tanzania. In: Hiho, H., Langer, A., Lonsdale, J., Stewart, F. (eds.), *From Divided Pasts to Cohesive Futures: Reflections on Africa*. Cambridge: Cambridge University Press.

Nkyabonaki, J. 2019. The Influence of Indigenous Administration on Post-Independence Administration in Tanzania. In Bondarenko, D. M., Butovskaya, M. L. (eds.), *The Omnipresent Past. Historical Anthropology of Africa and African Diaspora*. Moscow: LRC Publishing House. Pp. 183–195.

Rabushka, A., Shepsle, K. A. 1972. *Politics in Plural Societies*. Columbus, OH: Merrill.

Samoff, J.

1979. The Bureaucracy and The Bourgeoisie: Decentralization and Class Structure in Tanzania. *Comparative Studies in Society and History* 21(1): 30–62.

2024. Ethnicity, Interests and Class in Tanzania: Constructing Explanations. In Straus, S., Tripp, A. M. (eds.), *The State, Ethnicity, and Gender in Africa: Intellectual Legacies of Crawford Young*. Wisconsin: University of Wisconsin Press. Pp. 170–196.

Simpson, A. 2008. Introduction. In Simpson, A. (ed.), *Language and National Identity in Africa*. Oxford: Oxford University Press. Pp. 1–25.